

ББК 63.3(2)2-9

К.Ю. Кирюшин, В.В. Горбунов, В.П. Семибратов, Ю.В. Кирюшина
**Историко-культурное наследие тюркского времени
на территории «Бирюзовой Катунь»***

K.Yu. Kiryushin, V.V. Gorbunov, V.P. Semibratov, Yu.V. Kiryushina
**The Historical and Cultural Heritage of Turkic Epoch
on the Territory of the «Biryuzovaya Katun»**

Приводятся результаты археологических исследований памятников тюркской культуры V–XI вв. н.э. на территории особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь», расположенной в Алтайском районе Алтайского края, в 2005–2009 гг.

Ключевые слова: тюркская культура, археологические исследования, курган, погребальный обряд, каменное изваяние, руническая надпись.

The article is devoted to the research carried out in 2005–2009 and devoted to the monuments belong to the Turkic culture (V–XI centuries) on the territory of the special economic zone for tourism and recreation “Biryuzovaya Katun” which is located in the Altai District.

Key words: Turkic culture, archeological research, burial mound, funeral ceremony, rock sculpture, runic script.

На левобережье Нижней Катунь пока изучено небольшое количество памятников тюркской культуры. Это связано как с малым объемом проводимых полевых археологических работ, так и с пограничным характером данного района для ареала тюркской культуры. Исследования на территории «Бирюзовой Катунь» в 2005–2009 гг. выявили целый ряд различных тюркских памятников: одиночные курганы Бирюзовая Катунь-1, Бирюзовая Катунь-3, Бирюзовая Катунь-9; поминальная оградка Бирюзовая Катунь-1; наскальная руническая надпись на р. Усть-Уба.

В июне 2005 г. в лесу на берегу Катунь был раскопан курган *Бирюзовая Катунь-1*, сложенный из окатанных речных галек размерами 3,8×3,2 м. В ходе работ прослежена последовательность сооружения. Первоначально была вырыта могильная яма, в которой совершено захоронение. После этого с юго-восточной стороны кургана была сделана прямоугольная пристройка из плоского рваного камня, где сохранились следы мощного прокала. Видимо, следы огня связаны с поминально-обрядовыми действиями. После этого из крупных плоских окатанных камней выложено кольцо, которое перекрывало пристройку. Для сооружения насыпи использовались крупные плоские вытянутые окатанные гальки, первый ряд которых укладывали на крупные камни, образующие кольцо, следующие ряды укладывались во внутреннюю часть круга. Таким образом, получилось, что гальки из

насыпи кургана выставлены по кругу розеткой, под углом, вниз по направлению к центру кургана, после чего щели между камнями были забутованы мелкой галькой. В насыпи обнаружено более 30-ти фрагментов средневековой керамики [1, с. 48–50].

Могильная яма имела размеры 2,10×1,20 м, глубину 0,65–0,70 м. В ней обнаружено погребение человека в сопровождении коня. Костяк человека ориентирован головой на СВВ, лошади – на ЮЗЗ. Череп человека приподнят по отношению к телу, руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. Скелет лошади помещен на брюхо, передние и задние ноги подогнуты под тело, голова упирается в передние конечности. Погребенный – мужчина 50–65 лет. У него, в силу возраста, не было зубов на верхней челюсти, так что образовался костный валик, а все альвеолы заросли [2, с. 48–50]. В районе головы человека расчищены четыре фрагментарно сохранившихся наконечника стрелы, под нижней челюстью – крупное тесло, на груди – небольшой железный инструмент. У правого бедра погребенного находился нож, а над левым коленом – каменная зернотерка и курант. В районе тазовых костей найдена гарнитура от стрелкового и основного поясов. В челюстях лошади располагались удила с псалиями, по бокам у брюшной части – два стремени, у правой бедренной кости задней ноги – подпружная пряжка.

Кроме того, у правого бедра человека зафиксировано скопление зерен растений, которые по локализации

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №10-01-60106а/Т «Исследование, сохранение и актуализация историко-культурного наследия археологического микрорайона Бирюзовая Катунь».

и черному органическому пятну с фрагментами кожи, видимо, были помещены в мешочек и напрямую связаны с нахождением зернотерки и куранта. Среди найденных семян определена основная зерновая культура – просо обыкновенное (посевное) и небольшое количество семян сорных растений [3, с. 342; 4, с. 212–214].

Данный объект по основным признакам погребального обряда соответствует канонам тюркской культуры: каменная насыпь округлой формы из однослойной кладки, одиночная ингумация в сопровождении целой туши коня, положение умершего человека вытянуто на спине головой в восточный сектор, нахождение лошади слева от человека на животе с подогнутыми ногами, головой в противоположную от хозяина сторону [5, с. 137–139].

Сопроводительный инвентарь из кургана представлен такими вещевыми комплексами, как вооружение, костюм, орудия труда и снаряжение верхового коня [2, с. 341–342].

Из предметов вооружения обнаружено оружие дальнего боя в виде остатков наконечников стрел. Два экземпляра из них вполне информативны. Они сделаны из железа, имеют черешковый насад и трехлопастное перо. По абрису пера разделяются на пятиугольный и треугольный, у последнего в нижней части лопастей круглые прорезы. К нему же относится роговая свистунка. Наиболее точные аналогии этим наконечникам происходят из тюркских памятников VI–VIII вв. [6, с. 38–41].

К предметам костюма относится гарнитура от двух поясов: основного и стрелкового. В основной пояс входили следующие железные вещи: рамчатая пряжка, четыре четырехугольные и пять сегментовидных прорезных блях-накладок, а также двухсоставной наконечник овально-прямоугольной формы. Такие пояса часто называют наборными. Количество блях на кожаном ремне могло обозначать воинский ранг и социальный статус владельца. Прорезные бляхи-накладки появляются в тюркской поясной гарнитуре с середины VII в. и бытуют до X в. [7, с. 32–34]. Стрелковый пояс также состоял из железных вещей: крючка-застежки с подвижным зажимным щитком, трех кольчатых распределителей, каждый из которых имел по три подвижных лопасти-зажима, и двух портупейных пряжек. У полностью сохранившегося экземпляра есть овальная рамка, подвижные язычок и щиток. На один из распределителей такого пояса должно было подвешиваться налучье с луком, а на два других – колчан со стрелами. Похожие предметы от стрелковых поясов встречены в тюркских погребениях VI–VIII вв. [8, с. 120–124; 9, с. 165–166].

Из орудий труда найдены железные нож, тесло и напильник (?). Эти вещи не имеют узких хронологических привязок, но достаточно часто встречаются в тюркских памятниках Горного Алтая. В качестве

близких аналогий можно привести ножи и тесла из курганов Тыткескенья-VI и Катанды-3, датирующихся от середины VI в. до середины VIII в. [8, с. 120–121; 9, с. 168–170]. К снаряжению верхового коня относятся железные удила с псалиями и стремена, а также роговая подпружная пряжка. Удила имеют крюковые внутренние окончания звеньев и кольчатые внешние. В них вставлены стрежневые псалии S-видной формы с фигурными верхними окончаниями и шарообразными нижними. Они снабжены П-образными скобами для нащечных ремней узды. Аналогичные удила у тюрок встречаются в памятниках VI–VIII вв., а псалии не ранее середины VII в. [7, с. 94; 8, с. 117]. Подпружная пряжка имеет щиток с ровным основанием и боками, слегка выделенную овальную рамку и сплошную I-образную прорезь, язычок не сохранился. Данный экземпляр по деталям оформления можно датировать VII–VIII вв. [10, с. 201–202]. Исходя из взаимовстречаемости дат инвентарного набора курган Бирюзовая Катунь-1 следует отнести ко второй половине VII – первой половине VIII в., времени существования II Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.).

Летом 2005 г. в 40 м от кургана исследована поминальная оградка *Бирюзовая Катунь-1*, рядом с которой найдено каменное изваяние [11, с. 47]. Первоначально объект был полностью задернован, на его поверхности прослеживалось лишь небольшое холмообразное образование. После его расчистки выявилось подквадратное сооружение из вертикально установленных крупных плоских речных галек. Размеры оградки 1,75×1,7 м, высота 0,35 м. Углами она ориентирована по сторонам света с небольшими отклонениями. ЮВ и СЗ стенки оградки состояли из трех основных камней, а ЮЗ и СВ стенки – из четырех основных камней. Углы и стенки оградки подпирались средней галькой, дно было выложено уплощенным камнем и сверху забутовано неоднородным слоем из мелкого рваного камня и галечника вперемешку с землей. С юго-восточной стороны к оградке примыкало скопление из средней гальки, часть которого образовывало подобие каменного кольца, или гнезда. У одной из внешних стенок найдены два фрагмента керамики из толстого теста, темно-коричневого цвета, один орнаментирован крупным жемчужником.

В восточной стороне раскопа обнаружен обломок каменной плиты, на котором прослеживалось антропоморфное изображение. Этот фрагмент апплицировался с другим обломком каменной плиты, найденным в ходе исследования оградки. В результате удалось восстановить каменное изваяние (рис. 1-2), стоявшее изначально у ЮВ стенки оградки, вероятнее всего, в центре каменного кольца-гнезда.

Изваяние сделано из плоской плиты высотой 53 см, слегка трапециевидной формы с треугольным верхним краем и скошенным нижним краем. Ее боковые грани

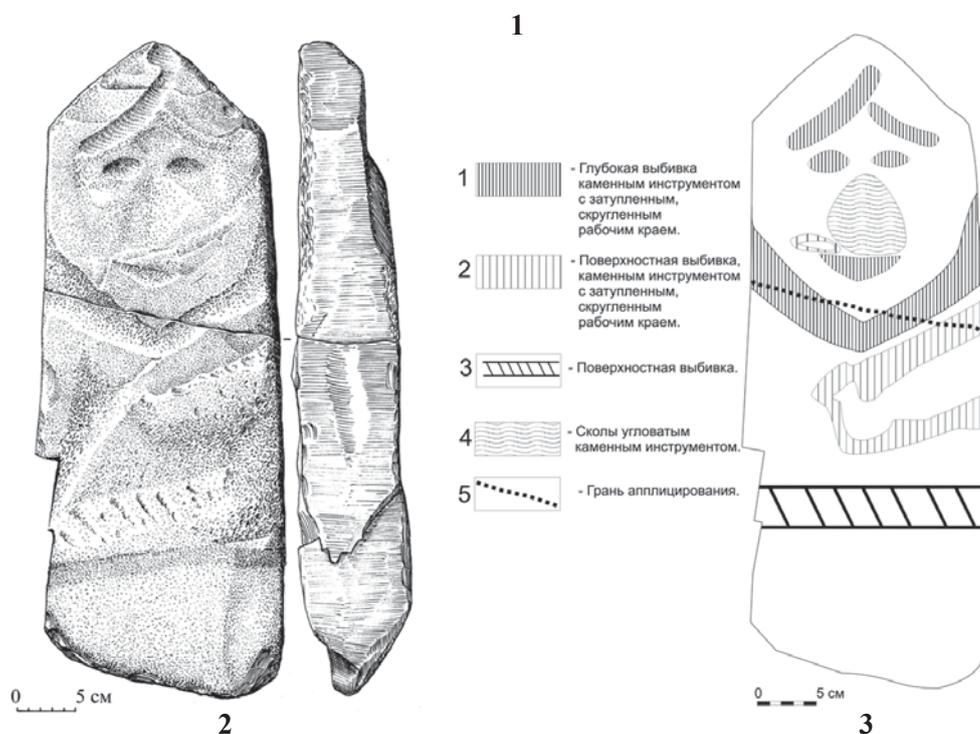

Рис. 1. Поминальная оградка и каменное изваяние «Бирюзовая Катунь-1». 1 – оградка перенесенная и восстановленная в археологическом парке «Перекресток миров» (на переднем плане каменное изваяние); 2 – каменное изваяние (рис.); 3 – каменное изваяние (технологическая схема)

и верхняя часть подшлифованы. На плите визуаль­но просматриваются следы выбивки, оформляющие нижний контур лица (рис. 1-2). Несколько хуже, но достаточно отчетливо прослеживаются следующие детали: рот, глаза, головной убор (рис. 1-2). В остальных случаях искусственные следы обработки были визуаль­но неразличимы.

Исследованная оградка по всем своим признакам (размеры, подквадратная форма, ориентация, стенки

из вертикально установленных на ребро плит, наличие изваяния с восточной стороны) относится к одиночным поминальным сооружениям тюркской культуры. Судя по датируемым находкам, имеющимся в аналогичных оградках, на территории Горного Алтая они возводились со второй половины V до середины X в. н.э. [12, с. 117–118; 13, с. 168–170].

Уточнить хронологию данного объекта позволяет трасологический анализ антропоморфного изваяния

[11, с. 44–45]. Использование специально разработанной методики исследования поверхности каменной плиты (мощные источники освещения объектов и адаптированная оптическая аппаратура) позволило выявить дополнительные детали в оформлении изваяния: усы, руку с сосудом и пояс (рис. 1-3).

Изображение деталей лица выполнено техникой глубокой выбивки каменным инструментом с затупленным и скругленным рабочим краем. Нижний контур лица передает приостренный подбородок и широкие скулы. Рот выполнен в форме широкого треугольника, глаза имеют миндалевидную форму. Центральная часть лица между глазами и ртом сколото иным каменным инструментом. Рабочий край этого орудия имел угловатые, заостренные очертания. Вероятно, что целью таких действий было обезображивание лица в месте, где находился нос (рис. 1-3). Помимо этого, на лице обнаружены следы поверхностной выбивки, сделанной каменным инструментом с затупленным скругленным рабочим краем. В этой технике выполнен правый прямой ус. Видимо, левый ус был уничтожен вместе с носом.

Верхний контур головы изваяния симметрично заострен, напоминая по форме шапку-башлык. Над глазами, в той же технике глубокой выбивки, сделаны две перпендикулярные линии-канавки, передающие нижний край головного убора в виде треугольной выемки над переносьем. Изображения шапок с аналогичными налобными вырезами есть на тюркских изваяниях из местности Кеме-Кечу в Горном Алтае [14, с. 130–140]. Одно из этих изваяний по изображению поясной гарнитуры можно датировать не ранее середины VII в. н.э.

Единственная левая рука изваяния выполнена поверхностной выбивкой с применением каменного инструмента с затупленным, скругленным рабочим краем (рис. 1-3). В этом процессе использовались особенности рельефа камня, выбивка подчеркивала минимальный внешний контур. Рука наклонена к поясу и заканчивается изображением сосуда. Последний имеет вытянутое тулово и профилированный венчик. Такие сосуды во множестве присутствуют на тюркских изваяниях, а их реальные прототипы из дерева и металла встречаются в оградках и курганах тюркской культуры. Несколько необычным выглядит нахождение сосуда в левой руке, но и этой редкой особенности можно найти аналогии, например, у тюркского изваяния в уже упоминавшейся местности Кеме-Кечу [14, с. 158].

Изображение пояса на изваянии выполнено очень схематично, также в технике поверхностной выбивки. Он находится ниже руки и представляет собой широкую и мелкую линию-канавку, пересекающую изваяние по всей ширине (рис. 1-3).

Несмотря на различную глубину выбивки деталей изваяния, можно уверенно сказать, что она сделана

одним инструментом, синхронно и в единой технике, за исключением поврежденного участка носа.

Датировку поминального комплекса с Бирюзовкой Катунь-1, учитывая аналогии изваянию, можно определить в рамках второй половины VII – первой половины X в.

Сам объект был перенесен и восстановлен на территории археологического парка «Перекресток миров» (рис. 1-1).

Курган *Бирюзовая Катунь-3* располагался недалеко от края первой надпойменной террасы реки, в толще хвойного массива [15, с. 237–239]. На фоне лесной растительности он хорошо выделялся по отдельно выступающим окатанным камням. Раскопан в 2006 г. После снятия дерна и зачистки выявлена полусферическая насыпь округлой в плане формы, размерами 3,75×3,42 м, сложенная из галечника. По ее периметру отчетливо фиксировалась крепида, у южного края которой найдено несколько обломков керамического сосуда. Внутри крепиды располагалась могила с прямоугольными очертаниями, размерами 2,4×1,5 м, глубиной 0,56–0,63 м. Она была вырыта в галечнике, являвшемся строительным материалом террасы, и забутована камнем на всю свою глубину вперемежку с гумусом в верхних слоях и речным песком в нижней части. На дне могилы содержалось одиночное захоронение взрослого человека, уложенного на спину с вытянутыми конечностями и ориентированного головой на юго-восток. Умершего сопровождал вполне стандартный набор инвентаря [15, с. 240–241]. С внутренней стороны локтевого сустава левой руки располагались 14 наконечников стрел. В районе таза расчищены детали стрелкового пояса, а немного выше этого снаряжения зафиксирована гарнитура основного наборного пояса. С левой стороны черепа лежала серьга, а с правой – железное кольцо. У левого локтя размещалось железное тесло. Еще один железный предмет, по-видимому, инструмент для обработки дерева, выявлен с внешней стороны левого бедра. С внутренней стороны левого бедра лежал железный нож.

По составу найденного инвентаря данный курган входит в круг памятников тюркской археологической культуры. Вполне соответствует этому конструкция каменной насыпи, положение умершего вытянуто на спине и его ориентация головой в восточный сектор. Способ погребения представлен обрядом одиночной ингумации, что отличает его от собственно тюркского обряда. Правда, в могильной яме имелось достаточно места для размещения лошади, но свободное пространство находилось справа от человека, что не вписывается в тюркский канон. Не исключена иная этническая принадлежность умершего, который, тем не менее, судя по сопроводительным вещам, являлся полноправным членом тюркской общины. Очень редко, но в тюркских памятниках встречаются погребения по способу одиночной ингумации [5, с. 139].

Погребальный инвентарь представлен следующими вещевыми комплексами: вооружение, костюм и орудия труда. Их анализ позволяет уточнить время сооружения объекта.

Предметы вооружения относятся к оружию дальнего боя и состоят из наконечников стрел. Все они изготовлены из железа и снабжены черешковыми насадами. По сечению и абрису пера разделяются на трехлопастные: шестиугольной, треугольной, килевидной формы и четырехгранные: трапециевидной и четырехугольной формы. Часть трехлопастных наконечников в нижней части лопастей имеют круглые прорези. Граненые наконечники являлись броневой, близкие им экземпляры пока встречены только в тюркских памятниках VII – середины VIII в. [6, с. 38–41]. Аналогии трехлопастным наконечникам имеются в тюркских комплексах второй половины V–XI вв. [6, с. 42–43].

Костюм представлен двумя поясами и головным украшением. От основного пояса сохранился следующий набор предметов: бронзовая пряжка с овальной рамкой, подвижным язычком и зажимным щитком, с ровными боками и закругленным основанием, бронзовая и железная четырехугольные и три бронзовых сегментовидных прорезных бляхи-накладки, а также зажимной наконечник овально-прямоугольной формы. Данный набор весьма близок поясу из Бирюзовой Катунь-1, но отличается материалом изготовления. Его пряжка характерна для тюркской гарнитуры VI–IX вв. [7, с. 25]. Вещи этого пояса были изучены А.А. Тишкиным с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра. Удалось установить, что разные детали предметов сделаны из медно-свинцово-оловянного и свинцово-медно-оловянного сплавов, а одна бляха – из металлургически чистого железа.

От стрелкового пояса обнаружены такие железные предметы, как крючок-застежка со сплошным щитком и три кольчатых распределителя с остатками подвижных лопастей-зажимов. Данный пояс также схож со стрелковым набором Бирюзовой Катунь-1. Оформление лопастей его распределителей находит аналогии в тюркском погребении середины VII – середины VIII в. на памятнике Тьткескен-VI [9, с. 173–174].

К головному украшению относится бронзовая серьга. На ее кольцо в верхней части расположен шпенек, в нижней – короткая подвеска-раструб с шаровидным утолщением. Серьги с такими признаками встречаются в тюркских памятниках VII–VIII вв. [7, с. 45].

Из орудий труда зафиксированы железное тесло и железный инструмент, напоминающий долото. По своим пропорциям тесло похоже на экземпляр из тюркского памятника первой половины VIII в. Балык-Соок-I [16, с. 250].

Обнаруженные в насыпи кургана фрагменты лепного керамического горшка светло-коричневого цвета

с отогнутым наружу рассеченным венчиком находят соответствия в орнаментации сосудов из могильника середины VIII в. Джаргалынты в Монголии и скального детского погребения на р. Юстыд, датированного по радиоуглероду 601–772 гг. [16, с. 139].

Рассмотренные аналогии позволяют датировать курган Бирюзовая Катунь-3 периодом второй половины VII – первой половины VIII в.

Данный объект был перенесен на территорию археологического парка «Перекресток миров», где после восстановления своего первоначального облика он пополнил группу ранее музеефицированных погребальных и ритуальных конструкций тюркской культуры.

Летом 2006 г. археологические исследования не ограничились территорией «Бирюзовой Катунь». Они распространились также на бассейн Усть-Убы. Для местных жителей это излюбленное место охоты. По информации одного из них (А.Н. Политова), в месте впадения ключа в реку, называемом «Выпад», на отвесной скале представлены рисунки животных и антропоморфные персонажи. Для проверки этой информации был совершен поход от туркомплекса «Бирюзовая Катунь» до Усть-Убы. В результате была обнаружена *руническая надпись* [17, с. 57–59].

Надпись расположена на правом берегу реки, на скальной поверхности высотой около 2,5 м, имеющей небольшой угол нависания, который защищает ее от дождя. Камень – известняк, но окремненный, плотный, не имеющий трещин и следов разрушения. Надпись состоит из двух знаков (рис. 2-2, 3). Немного выше нее нанесено резное изображение, напоминающее «солярный» символ, возможно, это тамга (рис. 2-1). Техника исполнения и степень патинизации сходны со знаками надписи. Размеры изображения 3,3×2,7 см. Ниже рунической надписи имеется процарапанный знак в виде буквы «у», но его линии неглубокие, свежие, отличаются от остальных и техникой исполнения и более ярким характерным цветом. Это единственный знак, не покрытый лишайником. Безусловно, он нанесен современными посетителями.

Определить датировку этого объекта позволяют палеографические особенности письма. Надпись состоит из двух горизонтально расположенных знаков. Их линии прорезаны достаточно глубоко, скорее всего, острым металлическим инструментом, четко выделяются на камне, но имеют сглаженные борты, что свидетельствует о длительном периоде медленного разрушения под воздействием природных факторов. Частично знаки перекрыты лишайником, и не исключено, что его осторожная расчистка позволит выявить новые обозначения. Первый (правый) знак соответствует мягкой букве «**p** (рус.), **r** (лат.)» орхон-енисейского алфавита [5, с. 137–139]. Его размеры 4,8×4,5 см. Он мог иметь самостоятельное значение и переводиться как слово «**эp, er**» – *муж, мужчина* [18,

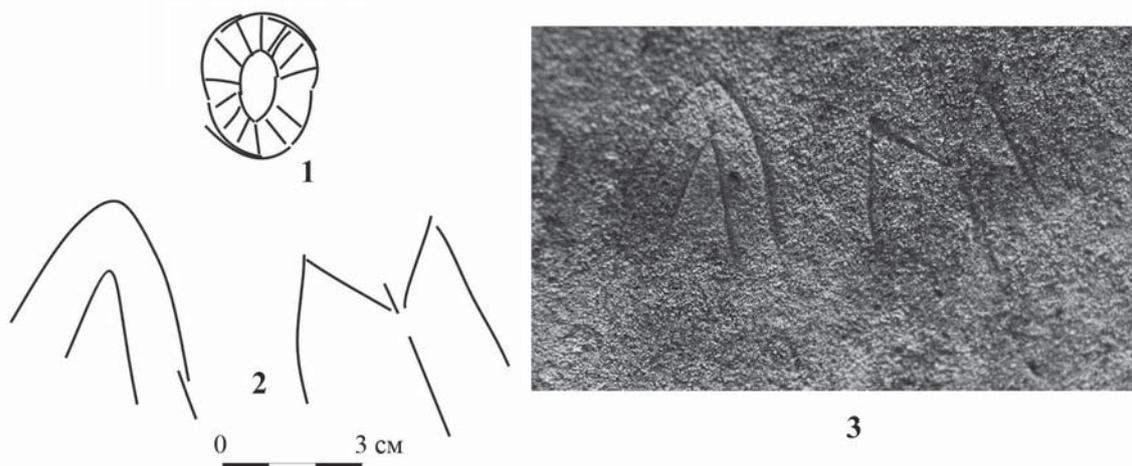

Рис. 2. Руническая надпись на р. Усть-Уба (Устюба).
1 – солярный знак; 2 – «эрат» – *мужи, воины* (прорисовка); 3 – «эрат» – *мужи, воины* (фото)

с. 175]. Второй (левый) знак обозначает твердую букву «т, t» и характерен для енисейского варианта рунического письма [19, с. 10]. Его размеры 4,7×4 см. В самостоятельном значении он соответствует слову «ат, at» – *имя, титул*. Сочетание обоих знаков может указывать и на одно слово «эрат, erät» – *мужи, воины* [18, с. 176]. По аналогии с более полными руническими текстами Горного Алтая можно предположить и то, что надпись передает словосочетание «эр аты, er atii» – *его мужское (геройское) имя или его мужа-воина имя* [19, с. 50–51]. Датировка усть-убинской надписи определяется по характерному написанию буквы «т, t» в виде двойного острого угла, или «домика», которое встречается в енисейских надписях и не известно по орхонским текстам [19, с. 52]. Енисейское письмо вполне определенно связывается с кыргызами, чье господство установилось в горной части Алтая после 840 г. и длилось по XI в. включительно. Именно в этот промежуток времени население Алтая могло перенять у кыргызов особенности написания некоторых рунических знаков, которые стабильно встречаются среди наскальных надписей. Таким образом, надпись с Усть-Убы можно отнести к периоду второй половины IX–XI вв.

В результате проведенного по Усть-Убе обследования впервые на территории Алтайского края была документально зафиксирована наскальная руническая надпись, которая на сегодняшний день является самым северным объектом в корпусе горноалтайских рунических памятников.

В апреле 2009 г. у подножья Большой Тавдинской пещеры, на территории парка, был выявлен курган, получивший очередное обозначение *Бирюзовая Катунь-9* [19, с. 270]. Летом в ходе его расчистки зафиксирована насыпь подовальной формы размерами 4,6×4 м. Она состояла из рваных камней, выложенных в два слоя. По периметру кургана прослежено кольцо-крепиды из более массивных камней. На уровне ма-

терика выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы, размерами 2,15×1,47 м. На дне могилы, в северо-восточной половине ямы, расчищен скелет мужчины 50–55 лет. Умерший был уложен на правый бок, головой на юго-восток; руки вытянуты, ноги согнуты в коленях. Вдоль лобной кости черепа зафиксирована пара накладок на верхний конец лука. Пара накладок на рукоять лежала параллельно костям правой руки (ниже локтя). Рядом находился позвоночник овцы. Ниже челюсти погребенного, уходя под скелет, располагались пять наконечников стрел, а также стрелковый пояс из пряжки и трех распределителей. Вокруг поясничных позвонков зафиксирован основной пояс с частично уцелевшей кожаной основой, пряжкой и восемью бляхами-накладками. Местами сохранились остатки одежды. На левом крыле таза лежал нож.

В юго-западной части могильной ямы, на одном уровне с человеком, находилась лошадь. Животное располагалось на животе, с подогнутыми ногами, грудью на северо-запад, шея и голова были повернуты на юго-запад. С правого бока коня лежало стремя, несколько ниже него зафиксирована подпружная пряжка, а вдоль костей правой задней ноги обнаружены три цурки. Во рту лошади находились удила с псалиями.

Раскопанный объект по основным признакам погребального обряда также соответствует канонам тюркской культуры [19, с. 271–272]. Нестандартно выглядит размещение умершего мужчины на боку. Сопроводительный инвентарь из исследованного кургана представлен такими вещевыми комплексами, как вооружение, костюм, орудия труда и снаряжение верхового коня.

Из предметов вооружения обнаружено оружие дальнего боя, которое представлено сложносоставным луком и стрелами. От лука сохранился комплект роговых накладок: пара концевых боковых с вырезами под тетиву и пара срединных боковых. Видимо, лук был положен в могилу не целиком, так как отсутствовала

необходимая пара накладок на нижний рог. Концевые накладки короткие, они характерны для поздней модификации тюркских луков, появившейся в период Второго Восточно-тюркского каганата, т.е. со второй половины VII в. [6, с. 15]. Стрелы представлены железными черешковыми наконечниками. Они имеют трехлопастное перо шестиугольной и треугольной формы. Все экземпляры были снабжены роговыми свистунками, а два из них имели округлые прорезы в лопастях. Наиболее точные аналогии наконечникам происходят из тюркских памятников VI–VIII вв. [6, с. 16].

К элементам костюма относится гарнитура от двух поясов: основного и стрелкового. В основной (наборный) пояс входили следующие бронзовые вещи: составная пряжка (овальная рамка, подвижный язычок и длинный щиток), две четырехугольные и шесть сегментовидных прорезных блях-накладок. Аналогичные изделия появились в тюркской поясной гарнитуре с середины VII в. [7, с. 25–34]. С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра А.А. Тишкиным получены результаты спектрального анализа бронзовых деталей этого пояса. Было установлено, что для их изготовления использовались медно-свинцово-оловянные и медно-оловянно-свинцовые сплавы. Подобная ситуация фиксировалась при изучении аналогичного пояса из кургана Бирюзовая Катунь-3 [20, с. 240–243].

Стрелковый пояс состоял из железных вещей: овально-рамчатой пряжки с подвижным язычком и трех кольчатых распределителей, у каждого из которых изначально было по три подвижных лопасти-зажима. Похожие предметы от стрелковых поясов встречены в тюркских погребениях середины VI–VIII вв. [8, с. 201–205; 9, с. 168–172].

Из орудий труда найден железный нож. Он не имеет узких хронологических привязок, но такие предметы достаточно часто встречаются в тюркских памятниках Алтая. В качестве близкой аналогии мож-

но привести нож из кургана первой половины VII в. памятника Катанда-3 [8, с. 126–128].

К снаряжению верхового коня относятся железные удила с роговыми псалиями, железное стремя, подпружная пряжка и цурки из рога. Удила имеют кроковые внутренние окончания звеньев и кольчатые внешние. Псалии – стрежневидные двудырчатые. Аналогичные удила у тюрков встречаются в памятниках VI–VIII вв. [20, с. 94], а псалии – до середины VII в. [21, с. 146; 9, с. 165–167]. Стремя имеет треугольное петельчатое ушко, округлые дужки подквадратного сечения, прогнутую узкую подножку. Совокупность этих признаков встречается у стремян VI–VII вв. [22, с. 144–146]. Подпружная пряжка имеет подпрямоугольную форму, основание щитка и наружная часть рамки слегка выпуклы, переход между ними заузен. Язычок не сохранился, но под него есть Т-образная прорезь. Данный экземпляр по деталям оформления можно датировать VI–VII вв. [10, с. 201–202]. Цурки имеют классическую для тюркской культуры форму.

Исходя из приведенных аналогий курган Бирюзовая Катунь-9 в целом следует отнести ко времени Второго Восточно-тюркского каганата. Однако, учитывая наличие в нем архаичного стремени и псалиев, возможно, его датировку следует ограничить второй половиной VII в.

Подводя итоги изучению раннесредневековых памятников на левобережье Нижней Катуни, можно отметить, что данная территория, начиная со времени существования Второго Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.) входила в ареал распространения тюркской культуры. Курганы Бирюзовой Катуни-1, 3, 9 маркируют собой северную границу этого государства в пределах Горного Алтая. Продолжало проживать здесь тюркское население и позднее, по крайней мере, до начала II тыс. н.э. Не исключено, что дальнейшие исследования позволят выявить в этом микрорайоне и более ранние тюркские комплексы.

Библиографический список

1. Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибратов В.П. Исследование одиночного кургана древнетюркского времени на территории природного парка «Бирюзовая Катунь» в 2005 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2005 г. Археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2006. – Вып. 2.
2. Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибратов В.П., Силантьева М.М., Терёхина Т.А. Исследование памятников древнетюркского времени на территории «Бирюзовой Катуни» в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2005. – Т. XI, ч. I.
3. Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., Силантьева М.М., Терёхина Т.А. Палеоботанические данные по материалам исследования кургана Бирюзовая Катунь-1 // Сохранение

и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2006. – Вып. XV.

4. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул, 2005.

5. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул, 2006.

6. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск, 1990.

7. Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. – №2. – Горно-Алтайск, 1997.

8. Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тьткескень-VI

// Древности Алтая : Известия лаборатории археологии. – №3. – Горно-Алтайск, 1998.

9. Неверов С.В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985.

10. Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Волков П.В. Тюркское изваяние с Бирюзовой Катунь // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007 г. : Археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2009. – Вып. 4.

11. Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. – №3. – Новосибирск, 1996.

12. Неверов С.В., Горбунов В.В. Древнетюркские поминальные оградки Средней Катунь // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Вып. VI. – Барнаул, 1995.

13. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984.

14. Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Раскопки кургана раннего Средневековья Бирюзовая Катунь-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Вып. XVII. – Барнаул, 2009.

15. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск, 2005.

16. Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Даньшин О.В. Руническая надпись с реки Усть-Уба (Алтайский район Алтайского края) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2006 г. Археология, этнография, устная история. – Вып. 3. – Барнаул, 2007.

17. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

18. Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая : учебное пособие. – Горно-Алтайск, 2002.

19. Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П. Исследование тюркского кургана на территории «Бирюзовой Катунь» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XV. – Новосибирск, 2009.

20. Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Рентгенофлюоресцентный анализ поясного набора из кургана Бирюзовая Катунь-3 // География – теория и практика: современные проблемы и перспективы. – Барнаул: 2009.

21. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М. ; Л., 1965.

22. Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и Средневековье. – Барнаул, 1998.